

ДВА КАПИТАЛА

КАК ЭКОНОМИКА ВТЯГИВАЕТ РОССИЮ

В ВОЙНУ

10 ЛЕТ
СПУСТЯ

СЕМЁН УРАЛОВ

Семен Уралов

**Два капитала. Как экономика
втягивает Россию в
войну. 10 лет спустя**

«ЛИРА»

2026

УДК 66:63.3(2)7

ББК 32:94(47)

Уралов С.

Два капитала. Как экономика втягивает Россию в войну. 10 лет спустя / С. Уралов — «ЛИРА», 2026

ISBN 978-5-908078-01-6

На наших глазах разворачивается масштабный конфликт между Россией и Западом. Насколько этот конфликт имеет шанс стать мировой войной, втягивая в себя все большее и большее количество участников? Автор книги, неоднократно бывавший в различных «горячих точках» евразийского пространства, раскрывает перед читателем суть и смысл происходящих событий и объясняет, что нашей стране необходимо предпринять, чтобы не проиграть в грядущей войне. В книге вы найдете ответы на вопросы:

- Как экономика втягивает страны в глобальные конфликты?
- Где проходят фронты Третьей мировой?
- Финансовый и промышленный капитал: за какие ресурсы идет борьба?
- Почему экономическая модель современной России неизбежно ведет ее к военному конфликту с США?
- Как поведут себя национальные элиты в условиях мировой войны?
- Какая модель экономики, государства и общества нужна России, чтобы выстоять? Грозят ли России новая колонизация и новый феодализм? Наши предки сдали свой исторический экзамен. А нашему поколению это еще предстоит.

УДК 66:63.3(2)7

ББК 32:94(47)

ISBN 978-5-908078-01-6

© Уралов С., 2026

© ЛИРА, 2026

Содержание

Предисловие Дмитрия Гоблина Пучкова	7
Предисловие ко второму изданию	9
Введение. Десять лет спустя	11
Глава 1. Экономические модели СССР-России и кризис государства	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Уралов С. С.
Два капитала. Как экономика
втягивает Россию в войну. 10 лет спустя

© ООО "Лири", 2026

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

* * *

Предисловие Дмитрия Goblina Пучкова

Тревожно в мире. Стабильность кончилась насовсем.

После распада СССР некоторые думали, что уж теперь-то во всем мире воцарится мир. Ведь мы стали «своими, буржуинскими», к власти у нас пришли «талантливые управленцы» и, значит, наконец-то заживем!

Но не тут-то было. Глобализация, «рыночек порешает», невидимая рука рынка – и все покатилося известно куда.

Я сразу заподозрил, что если у рынка есть одна рука, возможно, у него есть и вторая. А кроме рук имеются и другие органы, в том числе и половые – на которые можно внезапно наткнуться. Что характерно, так и получилось.

А тем временем мир стал однополярным, а во главе всего оказался американский финансовый капитал. Основная задача мирового гегемона – насадить «демократические ценности», сиречь забрать под свой контроль все ресурсы той или иной страны. Обычно это делают так. Некая страна назначается «плохой»: Югославия, Ирак, Ливия, Афганистан... Ну а дальше дело техники: перекроили территорию, посеяли межнациональную рознь, разрушили промышленность, поубивали людей, уничтожили экономику, ограбили. Все в угоду мировому финансовому капиталу и ВПК.

Сто лет – двести войн. Вот такая в США модель экономического процветания.

Западному капиталистическому миру требуется постоянное расширение, а мы для них – препятствие. Расширяться теперь можно только за счет нас.

И никакая «демократия» нам не поможет. В понимании Запада мы какие-то не такие, мы не совсем люди – «унтерменши», а значит, ресурсами владеем не по праву. За счет наших дешевых ресурсов выстроено все нынешнее благополучие ЕС. Вот только теперь наши ресурсы нужны Западу бесплатно. И чтобы их отжать, «передовые отряды человечества» в лице ЕС и США пойдут на многое. Например, потратятся на то, чтобы натравить на Россию Украину.

Методы стары, как мир. Налажено и проверено еще во времена Древнего Рима: разделяй и властвуй.

Так что специальная военная операция – мера абсолютно вынужденная. И таких фронтов у нас очень много.

Наша тактика консервации кризисов по периметру страны себя не оправдала. В войну Россию втягивали целенаправленно, и надо это было в первую очередь для того, чтобы максимально ослабить (а в идеале развалить) нашу экономику.

Замечу, что российский финансовый капитал рассматривает зону бывшего СССР как свою вотчину, и ему тоже необходимо расти. И вот мы имеем накопившиеся противоречия, разрешить которые возможно только силовым путем.

Изданная десять лет назад книга Семена Уралова «Два капитала: как экономика втягивает Россию в войну» как раз о предпосылках, но и прогноз там автор дает. И прогноз этот оказался в общем-то провидческим. Толковым людям уже тогда было очевидно, к чему все идет, а точнее – катится. Большую часть того, о чем написано в книге, мы впоследствии наблюдали в новостных репортажах.

И вот перед вами «Два капитала. Десять лет спустя».

Семен Уралов прекрасно разбирается в предмете, провел серьезную аналитическую работу, оценил собственные прогнозы по прошествии десяти лет. И с политэкономической точки зрения четко показывает логику развития исторического процесса.

Экономика и политика – это фундамент. На этом фундаменте мы строим все – и войну, и мир. Как говорил Черчилль, обращаясь к нации перед началом Второй мировой войны: «Мне нечего вам предложить, кроме крови, труда, пота и слез».

У нас же по-прежнему вещают о том, что главное в нашей жизни – слушать бесконечную брехню об ужасах коммунизма и зверствах сталинизма. И практически не говорят о том, что всем надо зажать известное место в кулак и бежать работать и просвещаться.

Я считаю, что книга «Два капитала. Десять лет спустя» с последней задачей справляется отлично. А значит, эта книга должна быть в библиотеке каждого читателя «Тупичка». Ознакомиться полезно всем – ведь предупрежден значит вооружен.

Спойлер: а как было, так уже не будет.

Предисловие ко второму изданию

Десять лет назад, когда вышло первое издание книги «Два капитала. Как экономика втягивает Россию в войну», большинство читателей из числа моих коллег – политологов, социологов, политконсультантов, аналитиков и прочей экспертной прослойки – разделились на два лагеря. Одни согласились с аргументами, что историческая ситуация и политэкономические интересы не оставляют никакого иного варианта, кроме войны. Другие были твердо убеждены, что в открытую войну Россия втянута не будет, а госпереворот 2014 года в Киеве «рассосется» сам по себе, как до этого якобы сам по себе разрешился первый украинский майдан 2004 года, грузинский и молдавский кризисы. Многие вплоть до начала СВО продолжали ездить в страны НАТО в отпуска, вследствие чего у некоторых в 2022–2023 годах случилась натуральная паника. Кое-кто на всякий случай дернул в Грузию на пару месяцев, а кто-то переехал в Эмираты, но уже в 2024 году вернулся. Наиболее честные из коллег, которые в 2015 году скептически отнеслись к аргументам и доводам из этой книги, теперь признали их правоту. Поэтому после начала СВО, когда война стала явной, «Два капитала» испытали всплеск интереса к себе, после чего бумажные книги закончились и подошло время второго издания.

В этой книге вы не найдете никаких тайных фактов и «совершенно секретных» материалов с инсайдами. «Два капитала» я написал 10 лет назад во время жизни в Донецке, где пытался понять, во что выльется «Русская весна». Эта книга задумывалась с целью доказать самому себе, что сценарий войны не является профдеформацией политического эксперта. Но, как мы помним со школьной скамьи от Сергея Есенина, «большое видится на расстоянии», поэтому часть прогнозов, сделанных в первом издании, уже стали фактами и даже обросли подробностями. Значительная часть вызовов и рисков, описанных в книге, станет реальностью через 5–10 лет.

Идеологическая и политэкономическая логика исторического процесса становится понятна, когда можно вскрыть основные противоречия и показать среднесрочные тенденции. Как 10 лет назад были понятны тенденции по втягиванию России в войну вследствие построенной с 1989 года политэкономической модели, так и сегодня мы можем увидеть контуры выхода нашей страны из этого кризиса.

Впрочем, за 10 лет ситуация продвинулась, поэтому требует отдельного разъяснения. Открытая война в форме СВО уже стала реальностью – и это только первый фронт мировой войны. Следовательно, текущая ситуация требует особой интерпретации. На наших глазах проходит разворот России на восток, когда главными политэкономическими союзниками становятся Китай и Северная Корея, против которой еще 20 лет назад мы сами вводили санкции.

Политэкономическая карта интересов меняется стремительно, однако реализуется стратегический сценарий: каждый желающий выжить в этой мировой войне опирается на собственный промышленный капитал. Дроново-беспилотная война, в которую вылилась СВО, показывает нам, что даже гражданские технологии вроде бытового дрона «Мавик», который 10 лет назад использовали для съемок рекламных клипов, становятся полноценным оружием. Иранские технологии «Шахедов», превратившиеся в русские «Герани», наглядно продемонстрировали, что только промышленный подход к войне способен кардинально переломить ситуацию. СВО за три года превратилась в войну экономик, когда одновременно важно и внедрение новинок, и дешевизна изготовления. Как мы видим, мегамодные «Арматы» не воюют, потому как экономическая логика диктует свой неизбежный подход к войне.

Мы наблюдаем, как государство, столкнувшись с реальностью войны, меняет подходы к управлению экономикой. Как оказалось, в случае кризиса можно платить простым гражданам достойную заработную плату и возвращать социальные гарантии. Реальность СВО показала: несмотря на то что «денег нет, но вы держитесь», в реальности у государства есть не только

деньги, но и воля пресекать частный мародерский бизнес на общем достоянии. Уголовные дела и размеры хищений в Министерстве обороны показали нам, что количество выделенных миллиардов вообще ничего не значит с точки зрения достижения результатов. Финансовый капитал способен просачиваться как вода сквозь песок, что материализуется через 10 лет в уголовные дела. Расхитители и преступники, может быть, найдены и наказаны, однако погибших из-за воровства и хищений вернуть невозможно. Поэтому у войны есть еще и внутреннее изменение.

Итак, впереди нас ждут десятилетия конфликтов, подобных СВО, по всему периметру России. То, что было написано 10 лет назад в первом издании «Двух капиталов», остается актуальным и по сей день. Однако ситуация меняется на наших глазах, поэтому второе издание дополняет и расширяет чистоту понимания. Для этого в конце каждой главы будет небольшое дополнение под рубрикой «Десять лет спустя», ссылки на авторские исследования, статьи и экспертные беседы. Тема «Двух капиталов» разрослась в отдельное направление, о котором мы говорим в рубрике «Закат экономики потребления» с Иваном Лизаном, руководителем аналитического бюро СОНАР–2050.

Не хочу шокировать иллюзорно настроенных читателей вроде моих знакомых, которые до 2022 года ездили по странам НАТО, но исхожу из того, что Россия находится в состоянии войны минимум до 2050 года. Узлы противоречий затягивались с XX века, а их решения откладывались годами. Как, например, произошло с бесконтрольной миграцией из Азербайджана и Средней Азии. Теперь сложно понять, где заканчиваются ОПГ-диаспоры и начинаются террористы.

Убежден, что война является следствием выбора политэкономической модели, который был сделан в еще 1988–1989 годах и суверенно закреплен в 1991 и 1993 годах. Сейчас мы находимся в ситуации выдавливания из себя колониальной модели, которая сдерживает развитие России и ставит под вопрос существования нас как мировой культуры и цивилизации.

Если бы в 2022 году не началась СВО, паразитарная модель экономики сохранялась бы по сей день, а финансовый капитал со своими агентами продолжал высасывать соки. Тимур Иванов дальше строил бы дачи и коллекционировал раритетные авто, Чубайс рассказывал про наночудеса за миллиард, а иноагенты зажигали на частных вечеринках банкиров и экстремистов.

Экономика уже втянула Россию в войну. Открытым остается вопрос: с какими потерями мы выйдем из этого конфликта и сохранимся ли как мировая культура и цивилизация. У России нет иного варианта, кроме как побеждать в этой войне. В зависимости от того, на какой капитал станет опираться государство, и будет зависеть цена победы и сам ее факт. Все только начинается!

Введение. Десять лет спустя

В 2025 году Россия находится в состоянии прямой войны, когда фронт впервые со времен Великой Отечественной растянулся на несколько тысяч километров. Поскольку война разгорелась на территории постсоветского пространства, то есть некогда единой страны и государства, то конфликты, подобные СВО, можно считать гибридной гражданской войной. Государство в России предпочитает брендировать военные действия как СВО, потому как это позволяет разделить украинское государство и общество. Государство российское ликвидирует остатки украинской государственности, но при этом украинское общество рассматривается как общество-заложник, а не враг. Поэтому все регионы, включаемые в состав России, не рассматриваются как колонии, а просто становятся равноправными субъектами. Поэтому прокладываются новые дороги, восстанавливаются предприятия и платятся пенсии.

Прямо противоположный подход к войне мы наблюдаем со стороны Киева. Многомесячный рейд ВСУ в Курскую область обернулся уничтожением всей инфраструктуры.

На наших глазах разворачивается какой-то новый тип войны, в котором военные технологии переплетаются с информационно-сетевыми. Появление беспилотных технологий расширило театр военных действий, и сегодня Белгородская, Брянская и Ростовская области, Краснодарский край и Республика Крым с городом-героем Севастополем живут в таком же состоянии, в каком жили города ДНР и ЛНР в 2014–2022 годах. В Донецке в 2014–2015 годах, где я жил и начинал писать «Два капитала», безопасность зависела от района города: в Ворошиловском районе работали рестораны и дончане гуляли с детьми на бульваре Пушкина, а всего в 10 километрах оттуда, в Киевском районе, каждый день погибали люди от минных обстрелов, а обычный поход в магазин мог стать последним. Так и сегодня в Севастополе ежедневно гудят сирены и сбивают на подходе десятки беспилотников, часть из которых таки попадает. Так, 23 июня 2024 года ракетная атака пришлась по пляжу в Учкюевке, что на северной стороне Севастополя. А всего в 60 километрах от Севастополя – в Ялте и далее по ЮБК – идет совершенно иная жизнь, где можно практически не замечать СВО.

Кроме того, крайне важны условия в других частях постсоветского пространства после начала СВО и накануне. Так, в 2020 году в Минске была проведена гибридная военно-информационная спецоперация, которая чуть не привела к политическому кризису по типу украинского Майдана.

Непосредственно перед началом СВО в Казахстане произошла попытка государственного переворота, где в центре заговора стояли глава местного КНБ (аналог ФСБ) и родственники первого президента Назарбаева. Всего за несколько дней толпы криминала чуть не разнесли центр Алма-Аты, что удалось остановить только введением войск России и союзников по ОДКБ. Казахстан–2022, как и Белоруссия–2020, был в шаге от гражданского конфликта с непредсказуемыми последствиями. При наихудшем сценарии России пришлось бы вести войну на трех фронтах, что фактически вернуло бы нас в состояние гражданской войны 1917–1924 годов.

Также мы увидели, что военные действия стали поводом для смены экономической модели как в сфере индустрии, так и в социальной сфере. Оказалось, что после СВО государственные банки так могут открывать филиалы в Крыму, а в госбюджете оказалось достаточно средств, чтобы платить достойную зарплату военному и рабочему на предприятии ВПК.

Обращает внимание, как война и политэкономические интересы меняют среди прочего и приоритеты международной политики. Несмотря на то что российская элита предпочитала отдыхать и учить отпрысков в Западной Европе, единственным союзником оказалась Северная Корея, против которой мы еще 15 лет назад вводили санкции (правда, их особо не соблюдали). Внезапным союзником оказался Иран, который уже более 40 лет находится в состо-

янии гибридной войны и задавлен тотальными санкциями. Мы видим, как происходят не только товарооборот и покупка военных технологий, но и углубление интеграции. На Каспии закладывается торговый флот, а беспилотная разработка «Шахед» была усовершенствована до «Герани» и развилась в отдельное технологическое направление.

Переход войны в конфликт экономик на украинском фронте начался летом 2022 года, когда дал сбой сценарий быстрого госпереворота и капитуляции власти Зеленского. Этот важный сюжет войны, который перевел конфликт на уровень соревнования экономических потенциалов, организованных масс и научно-технических разработок, подробно разобран в книге «ПостУкраина. Страна без государства», что вышла в 2024 году.

Кроме войны, брендированной как СВО, Россия углубляется в глобальный политэкономический конфликт со всей Евроатлантикой. Количество санкций, введенных против России, превысило иранский и северокорейский уровень, но это не привело ни к коллапсу экономики, ни к внутренним бунтам населения. Степень зависимости экономики России от глобального Запада оказалась сильно переоценена. Что для тех, кто помнит или изучал, как закладывались и развивались советское хозяйство и военно-промышленное производство, на фундаменте которых мы до сих пор существуем, вовсе не является чудом или секретом.

Зависимость России от США и Западной Европы носит в первую очередь информационно-психологический и культурный характер, нежели подлинно экономический. Технологии влияния США и стран НАТО базируются на культурно-идеологическом доминировании, достигнутом в ходе процесса глобализации.

Военные методы НАТО пополнились новым понятием – «когнитивная война», которое с 2017 года фиксируется в официальных документах. Технологии организации госпереворотов, вербовка террористов через соцсети, информационно-психологическое давление, фейки в СМИ, подкупленные блогеры, «певцы ртом» и прочие иноагенты – все это элементы войны реальной, хотя и проходит она в культурно-информационном пространстве.

Итак, сегодня, 10 лет спустя, можно зафиксировать: экономика уже втянула Россию в войну. Это произошло не вчера и не сегодня. Просто после начала СВО это стало очевидно большинству и признано как политический факт.

Война для России уже проходит в трех плоскостях:

- гражданская – на постсоветском пространстве на территории постУкраины (СВО);
- торгово-экономическая – внутри глобальной экономики (санкции и рестрикции);
- когнитивная – в пространстве культуры и медиасреде (идеология и пропаганда).

#допматериалы

Модель власти, оборона и мышление элит. Три главных политических вызова будущего для Союзного государства: <https://www.sonar2050.org/publications/model-vlasti-oborona-i-myshlenie-elit/>

14 августа 2018

Союзы XXI века. Как России использовать исторический момент «раздела Каспия» в экономических целях: <https://www.sonar2050.org/publications/soyuzy-xxi-veka/>

20 августа 2018

Закат экономики потребления № 44. Политэкономические последствия членства России в МВФ и ВТО: https://music.yandex.ru/track/127643267?utm_source=web&utm_medium=copy_link

22 мая 2024

Закат экономики потребления № 34. Цифровой рубль. Создание независимой от США системы расчетов: https://music.yandex.ru/track/119703223?utm_source=web&utm_medium=copy_link

22 ноября 2023

#что_почитать_послушать

Глава 1. Экономические модели СССР-России и кризис государства

«...Моя Родина потерпела поражение в холодной войне с Западом, встала на путь позорной капитуляции перед ним и бездумного заимствования западных образцов. Передо мною все настойчивее вставали мучительные проблемы. Что из себя представляет этот феномен по имени Запад, который нанес такой сокрушительный удар могучей сверхдержаве, причем без единого выстрела? В чем источник его силы? Каковы перспективы эволюции человечества на основе такого исхода исторической битвы Запада против коммунизма? Является ли эта победа на самом деле окончательной? Является ли Запад на самом деле таким, каким его теперь изображает самодовольная западная и прозападная пропаганда в России? Что на самом деле несет мировая гегемония Запада остальному человечеству?»

Александр Зиновьев, «Запад. Феномен западнизма»

Как уже говорилось, у Третьей мировой слишком много фронтов – и большинство из них сегодня нам кажутся незначительными. За десять лет ИГИЛ был практически уничтожен, затем трансформировался в новое движение, которое захватило власть в Сирии и изгнало Башара Асада, который оказался в России. Таким образом за десять лет фронт в Сирии сместился несколько раз. Одной террористической организацией больше, одной меньше. Однако именно в Сирии из террористической организации получился ИГИЛ, теперь уже не просто военно-политическая организация. Всего за два года ИГИЛ шагнул от террористической группы до протогосударства. Но на самом деле истоки роста ИГИЛа вовсе не в финансировании и идеологии. Корень ИГИЛа находится в оккупации Ирака и демонтаже светской государственности имени Саддама Хусейна. Образование вакуума власти в ходе интервенции открывает возможности для террористических групп вроде ИГИЛа стать государством. Поэтому корни ИГИЛа надо искать в 2002 году, когда было принято решение военного вторжения в Ирак. После демонтажа государства Ирак был колонизирован по привычной схеме: нефтяные корпорации получили доступ к месторождениям, инженерно-строительные и частные военные компании отхватили многомиллиардные подряды, иракские коллаборационисты – посты и откаты. Обычная колонизация вроде крестового похода. Ничего нового.

Так как фронтов Третьей мировой очень много и понять сегодня, какие из них будут стратегическими, а какие – локальными, мы не можем, то имеет смысл сосредоточиться на анализе политэкономических оснований войны. И попытаться понять, почему Россия медленно, но верно втягивается в мировое противостояние.

Политэкономическая модель современной России – своеобразная мутация советской социально-экономической модели, интегрированной в мировой рынок. Чтобы разобраться в политэкономии РФ, надо начать с истоков экономики и хозяйства РСФСР, наследницей которой является Россия.

Социально-экономическая модель СССР до сих пор считается загадкой и политэкономическим феноменом. Потому как не совсем понятно, за счет каких ресурсов совершались научно-технические прорывы и ставились экономические рекорды.

Принято считать, что Советский Союз был социалистическим государством, где каждый член общества был собственником средств производства и поэтому мог пользоваться частью общесоюзной добавленной стоимости и прибыли. Действительно, идеология была социалистической, и общество двигалось в социалистической логике, где интересы частного лица подавлены интересами коллектива. Однако официальная идеология социализма все-таки отличалась

от экономической реальности, потому что главный вопрос общественного строя – это вопрос о том, кто изымает добавленную стоимость и получает основную прибыль. А реальность была не совсем социалистической.

Если на дворе феодализм, то добавленная стоимость изымается сеньором в виде товаров или услуг. Крестьянин должен отдать либо готовый продукт, либо свой личный труд, отработав барщину. По мере развития капиталистических отношений возникло разделение труда и стало усложняться производство. Одновременно на дворе началась эпоха великих географических открытий и появились новые, доселе неведомые рынки.

Один рейс за пряностями в Индию давал прибыль, соразмерную десятилетиям выращивания овощей в графстве Кент. Торговля оружием с африканскими вождями в обмен на рабов и последующая их перепродажа на плантации Северной Америки давала прибыль в 5000% и более.

Параллельно с капиталистической колонизацией новых рынков стремительно рос спрос на новые военные технологии и их промышленное внедрение. Одно кремневое ружье, произведенное в Англии, равнялось по стоимости либо слитку золота, либо ящику специй, либо десятку черных рабов – смотря с кем и в каком веке происходил обмен.

В новых условиях добавленная стоимость стала изыматься уже не в пользу конкретных феодалов, а в пользу обезличенных групп. Так появились британская, датская, французская и голландская Ост-Индские компании, банки с историей в сотню лет. Кстати, Россия потеряла контроль над Аляской как раз с помощью такой «Российско-Американской компании», которая была учреждена в 1799 году и прекратила свое существование только в 1881-м.

Появление обезличенных компаний, занимающихся колонизацией новых рынков с помощью торгово-финансового капитала, породило новый тип общественных отношений. Капитал стал виртуален, а принуждение к труду более не было откровенным. Это раньше барин мог выгнать тебя на поле, потому что надо отработать барщину. Теперь никого не надо было гнать с палкой в поле. Наемному рабочему платится жалованье за его труд, но он даже не догадывается, что его вклад в получение добавленной стоимости намного больше, чем выдает по ведомости бухгалтер. Сложные экономические системы, построенные на разделении труда, где один цех или филиал не понимает, чем занимаются коллеги, а товар продается на мировом рынке, приводят к тому, что капитал получает сверхприбыли. Такой принцип мы можем видеть и по сей день. Так, себестоимость смартфона iPhone 5s составляла 210 долларов, в то время как в рознице он стоил 649 долларов. Кому досталась торговая надбавка в 400 долларов? Аналогично обстоят дела с производством оружия и добычей нефти.

Нефтяник «Лукойла» имеет хорошую по сравнению с бюджетниками зарплату и не задумывается, какую прибыль с его труда получит акционер из Москвы или Лондона, который никогда и не бывал в Тюменской области. Наемный рабочий продает свое время, а свой труд не рассматривает как капитал. Плодами труда наемного рабочего пользуется кто-то другой, о чем существовании сам рабочий не догадывается.

Поэтому центральный вопрос политэкономии «Кто изымает добавленную стоимость?» не менялся последние 500 лет с момента зарождения капитализма. В евроатлантической модели добавленная стоимость изымается частным капиталом, который приобретает разные организационные формы в разные исторические времена. Это может быть Ост-Индская компания, инвестиционный фонд, акционер или международная корпорация.

В России дела с изъятием добавленной стоимости обстояли и обстоят немного иначе, чем в Западной Европе и Евроатлантике. Маркс назвал российскую специфику «азиатским способом производства» – когда изъятие добавленной стоимости совершает государство, а не частный капитал. Если в Евроатлантике государство является инвестиционным проектом частного капитала, который вступает в партнерские отношения с государственным аппаратом, то в России центральным экономическим субъектом является государство. Государство в русской

культурной традиции было и остается главной ценностью. Торговец, купец, барышник, спекулянт и фарцовщик занимали невысокие места в государственной и социальной иерархии. Огромными территориями, разбросанными в десяти часовых поясах и состоящими из сотен народов и тысяч народностей, управлять можно только при наличии эффективного и жесткого государства. Каждый кризис в России был связан именно с кризисом государства, а не с кризисом производственных отношений. Эффективная в России государственная модель всегда основана на жесткой вертикали власти, которая опирается на народные массы. «Хороший царь и плохие бояре» – вот универсальная формула власти в России. Капиталу не удалось стать владельцем государства в России. Слишком необъятны просторы и слишком огромны расходы на оборону и поддержание жизнедеятельности, чтобы такие задачи смог решить частный капитал, который в принципе «заточен» на извлечение прибыли, а не на развитие территорий и народов.

Россия была втянута в Первую мировую войну как раз в ходе ослабления государственной власти, которая попала под сильное влияние частного капитала. Стремительное развитие капиталистических отношений в конце XIX века привело к размыванию власти и появлению независимых центров влияния. Война была выгодна капиталу, в то время как шла вразрез с интересами государства. Россия не участвовала в борьбе за африканские, ближневосточные и азиатские колонии, развернувшейся между Германией, Францией и Великобританией. Российская империя обладала огромными пространствами и богатствами и была способна обеспечить саморазвитие на несколько столетий вперед. Но вместо интенсивного развития Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока влезла в бессмысленную войну в перенаселенной Европе.

Ответом на кризис государства в Российской империи была «цветная» Февральская революция, которая никакой революцией, конечно, не была, потому что на повестке дня стояла не смена общественного строя, а ликвидация государственной власти в лице царя. Февральская революция стремительно сменилась Октябрьской, когда заявку на власть подали большевики – организация, стоявшая на таких же государственных позициях, что и отставленная монархия. Только если монархическая власть опиралась на дворян и крупный частный капитал, то большевики опирались на городской промышленный пролетариат.

Наивно полагать, что большевики победили, потому что боролись за социализм. В любые смутные времена разворачивается война за власть, и в ход идут любые лозунги. Чем больше популизма, тем эффективнее. Потому что изголодавший и уставший от войны народ пойдет за любым, кто обеспечит порядок, работу и прокорм.

Фактически СССР – это переучреждение Российской империи на новых политэкономических основаниях. Государство в лице Совнаркома присвоило себе монопольное право на изъятие добавленной стоимости. Сначала была попытка ввести государственную монополию на все средства производства с помощью проекта «военный коммунизм», однако вскоре пришлось идти на уступки мелким собственникам из числа крестьян и городской буржуазии. Оказалось, что государство не способно обеспечить внутренний рынок товарами народного потребления, в связи с чем пришлось объявить НЭП. Государство практически устранилось из потребительского рынка и сосредоточилось на построении индустрии и промышленности. То есть приступило к выполнению задач, соразмерных централизованному государству.

После нескольких пятилеток построения государственной индустрии и создания собственной производственной базы частный капитал был вытеснен отовсюду. Испытания экономической модели, вызванные Второй мировой, привели к еще большей централизации государства и монопольному праву управлять экономическими процессами.

СССР в период своего наивысшего развития, в середине 1970-х годов, мог позволить себе управление такими экономическими проектами, которые в современной РФ кажутся просто фантастикой. Освоение целины и формирование аграрного региона «Южный Урал – Западная Сибирь – Казахстан». Послевоенная индустриализация Средней Азии. Восстановление разрушенной в ходе войны промышленности и социальной инфраструктуры УССР и БССР.

Создание сетевой компании гражданской авиации «Аэрофлот», которая осуществляла и межконтинентальные перелеты, и рейсовые перевозки вертолетами в Сибири и на Кавказе. Стремительное освоение космоса. Планы по перебросу части стока сибирских рек в Среднюю Азию. Отраслевая вертикальная интеграция, создание государственных мегакорпораций, массовое возведение социальной инфраструктуры, тотальная безопасность – Советский Союз был интереснейшим политэкономическим феноменом.

На уровне идеологии в СССР был объявлен социализм. Но на уровне производственных отношений и монопольного права на изъятие добавленной стоимости в Советском Союзе все-таки господствовал капитализм, но капитализм государственный, основанный на том самом марксистском «азиатском способе производства». Государственный капитализм постоянно вступал в конфликт с идеологией. С одной стороны, налицо был рост социальных благ и забота о развитии граждан, но с другой стороны, социальный успех измерялся не грамотами от начальства, а возможностью достать дефицитный товар и наличием блага. Социалистическую идеологию разъедала реальность госкапитализма. Это было не так заметно в провинции, однако в Москве социальная несправедливость уже к концу 1970-х годов обрела зримые черты. Так, товаровед комиссионного магазина с минимальным окладом и образованием на уровне техникума советской торговли был более социально успешен, чем младший научный сотрудник или инженер. Представители элитной прослойки вроде партийных и профсоюзных функционеров, промышленных директоров, академиков и силовиков жили в комфортной среде потребления и социального успеха за счет созданной государством системы специализированного премиум-потребления (так называемых спецмагазинов).

Специфика госкапитализма СССР заключалась в том, что главным торговым регулятором было распределение, а не рынок. Для того чтобы приобрести товар, было недостаточно иметь деньги. Социальные связи, в народе называемые блатом, были важнее. Так возникала сложная система взаимоотношений в обществе, где государство владеет всем. Получалось, для того чтобы быть социально успешным, надо быть интегрированным в систему госкапитализма.

Поскольку добавленная стоимость изымалась государством централизованно, то вторым торговым регулятором был дефицит. Госплан мог выйти на понимание отраслевого потребления – подсчитать, сколько надо гражданину сапог, а металлургическому заводу руды в среднем в год. Однако Госснаб не мог выстроить такую же стройную систему, как Госплан. Дефицит был не просто бичом советской экономики, он был главным регулятором потребительского рынка. Так как социализм существовал только в рамках идеологии, а отменить деньги как средство платежа большевики не смогли или не сумели, то в СССР сформировался специфический потребительский рынок, не похожий ни на какие рынки Западной Европы, Евроатлантики или Азии. Потребительский рынок СССР существовал в параллельной экономической реальности и был скорее обузой государству.

Итак, в советской экономике существовали три параллельные торгово-финансовые реальности.

Реальность наличного рубля, в которой и существовал потребительский рынок, где боролись не на жизнь, а на смерть граждане за доступ к финским сапогам, телячьей вырезке, зеленому горошку и путевке в ГДР. Обороты в торгово-финансовой реальности наличного рубля исчислялись сотнями, тысячами и редко десятками тысяч рублей. Миллионеры, конечно же, в СССР были, но так как не было частной собственности на средства производства, то у населения был только личный капитал, который можно потратить на личные нужды, купить дефицитный холодильник или «Жигули» и подняться вверх по потребительской лестнице, но который невозможно пустить в дело. В торгово-финансовой реальности наличного рубля личный капитал не мог стать капиталом частным. Таким образом, государство изымало добавленную стоимость, ограничивая право частной собственности. Государство сохраняло статус монопольного экономического игрока, предоставляя гражданам право тратить личный капи-

тал на потребительском рынке, однако не давало возможности зародиться капиталистическим отношениям среди граждан. Эксплуатация человека человеком была невозможна в рамках государственной экономики. Например, государство назначает одного гражданина руководить другим гражданином внутри государственного предприятия – треста или ЖЭКа, и за это руководящий получает от государства жалование больше, чем руководимый подчиненный, но это жалование начисляется не из изъятой добавленной стоимости, произведенной руководимым в пользу руководящего, а из общего бюджета. Жалование выплачивает государство исходя из своих целей. Поэтому важные для государства отрасли, на которые опиралась государственная власть, вроде горнодобывающей или металлургической, получали сверхфинансирование. Промышленный рабочий и шахтер могли получать от государства жалование больше, чем инженер, который разрабатывал машины для шахты или завода. Власть принадлежала партии, которая получила господство, опираясь на промышленный пролетариат, и поэтому государство выплачивало ренту своим социальным союзникам. Техническая интеллигенция была идеологическим подпольем (именно в среде советских инженеров возросло диссидентство) и выступала идеологическим оппонентом власти, поэтому рента для этого класса была значительно ниже.

Вторая торгово-финансовая реальность – это реальность безналичного рубля, который обеспечивал хозрасчет и торговлю на уровне предприятий, областей и отраслей народного хозяйства. В этой реальности обороты исчислялись десятками миллионов безналичных рублей. В экономике возникали финансово успешные феномены вроде колхозов-миллионеров и комбинатов, на которых работали десятки тысяч граждан. Так как одной из главных задач советской экономики была тотальная кооперация, то прибыль не всегда была самоцелью. Задумка сталинской экономической системы состояла в том, чтобы связать между собой в промышленные цепочки разные регионы и республики. Миллионы рублей были скорее формальным исчислением экономической активности. Прибыль оседала на счетах предприятий, которые инвестировали ее в социальную инфраструктуру и расширение производственной базы. Так появлялись детские сады и поликлиники в заводских районах, кубанские колхозы строили копии московского ВДНХ, а фабрики поддерживали театры.

В безналичной торгово-финансовой реальности советской экономики уже оборачивался полноценный капитал, который можно было пускать в оборот и открывать новые производства, закладывая новые торговые пути и заключать многомиллионные контракты. Однако капитал этот был государственный, и хотя распоряжался им конкретный человек, сделать государственный капитал частным было практически невозможно. Нельзя было, как сегодня, перевести безналичный рубль на счет компании, занимающейся обналичиванием, и за 10–15% комиссионных вывести наличные. Конечно же, были исключения, и отдельным гражданам удавалось увести государственный капитал и обналичить, но во-первых, это было противозаконно, а во-вторых, даже обналиченный государственный капитал все равно оставался капиталом личным. То есть директор, укравший у своего завода миллион, максимум что мог сделать – построить втихаря еще одну дачу, оформленную на жену. Или забить квартиру золотом, фарфором и собраниями сочинений в суперобложках.

Таким образом, безналичная финансовая реальность обеспечивала государству монопольное право на владение и производство средств производства.

И наконец, третья торгово-финансовая реальность – внешнеэкономическая. Там обороты исчислялись сотнями миллионов. В этой реальности оборачивался валютный рубль, привязанный к курсу доллара и ценам мировой биржи. Здесь рубль, собственно, переставал быть рублем и становился разменной валютой доллара США. Впрочем, как и все остальные валюты других государств, которые согласились торговать посредством мировых бирж, Советский Союз пытался уйти от привязки к мировой торговле с помощью прямых контрактов с крупными экономиками вроде Индии или Китая. Однако главным торговым партнером все равно оставалась Западная Европа, основным экспортом были энергоресурсы, поэтому уйти от мировых

бирж не удавалось. К этой торгово-финансовой реальности были допущены только избранные представители правящих элит. Да и вообще сфера внешней торговли СССР была во многом государственной тайной. Это было связано еще и с тем, что торговые представительства Союза активно использовались для разведки и организации экономической помощи союзным режимам в Африке, Латинской Америке и Азии. Поэтому внешняя торговля для советской экономики была больше, чем просто торговля. Валютный рубль выполнял две задачи. Во-первых, на него закупалась валюта, за которую потом приобретали дефицитные товары для потребительского рынка, технологии и средства производства для индустрии и промышленности. Во-вторых, валютный рубль обеспечивал всю внешнеполитическую активность СССР на мировой арене. Советская экономика проводила свой собственный проект глобализации – индустриализация государств Латинской Америки, Африки и Азии, вставших на путь социалистического развития, борьба за права угнетенных народов и поддержка коммунистического подполья, поставки вооружений союзным режимам по всему миру. Валютный рубль был обеспечен товарами, которые производила промышленность всего Союза, поэтому если вождь социалистической партии, взявший власть в своей африканской республике, получал кредит от СССР в несколько миллионов, то это гарантировало ему доступ к вполне конкретным товарам, средствам производства и технологиям, сделанным в СССР. «Made in USSR» был не самым плохим брендом на мировых рынках.

Все эти три реальности практически не пересекались. Человек мог одновременно управлять коллективом, обеспечивающим добавленную стоимость в миллионы безналичных и десятки миллионов валютных рублей, и получать повышенное директорское жалование 700 рублей. Дополнительно пользоваться социальными благами вроде персонального автомобиля, кооперативной трехкомнатной квартиры, дачи и спецмагазина, где его жена могла без очереди всегда купить сервелат. Но получить доступ к миллионам, которыми управлял, он не мог.

Таким образом, госкапитализму СССР практически удалось ликвидировать капиталистические отношения внутри советского общества. Конечно, были отдельные явления вроде частных артелей, законодательно разрешенного артельного производства и торговли в Армянской и Грузинской ССР и кооперативных предприятий в сфере обслуживания. Однако это скорее исключения из правил.

Поскольку вся добавленная стоимость изымалась государством, то инвестировался капитал исключительно в государственные проекты. Так появлялись целые микрорайоны с доступным жильем, потому что у государства образовались излишки цемента, бетона, кирпичей и простаивающие бригады строительно-монтажных управлений. Ликвидация безработицы была главным критерием экономической эффективности. Так, на балансе предприятий появлялись спорткомплексы, санатории, театры и дома отдыха.

Государственный капитализм СССР, работающий по принципу, обозначенному Марксом как «азиатский способ производства», открывал возможности для создания социальной и научной инфраструктуры. Таким образом, государство давало гражданину возможность жить в инфраструктуре и идеологии социализма, но при этом его экономическая жизнь была подчинена законам капитализма, пускай и государственного. Государственный капитализм создавал инфраструктуру и идеологию социализма, потому что не давал образоваться частному капиталу. Тем самым сохранял чистоту отношений между гражданами, не позволяя эксплуатацию человека человеком. Критики советской экономики справедливо отмечают схожесть госкапитализма с армией или зоной, где каждому человеку жестко отведена своя роль. Однако это сравнение не совсем корректно, потому что мы имеем дело с обратными процессами. Наоборот, это армия и зона являются проекцией политэкономической модели СССР. И в армии, и на зоне разворачиваются процессы, аналогичные процессам в советской экономике и обществе. Дефицит становится таким же регулятором потребительского рынка. Только в армии дефицитом являются сигареты, на зоне – чай, а в остальном Союзе – финские сапоги и сгущенка. Впрочем,

какой бы ни была экономическая модель Советского Союза, она уже в прошлом. Советская экономика имеет значение только в контексте преемственности экономики России.

Политэкономическая модель Российской Федерации уходит корнями в РСФСР. Политический и экономический правящие классы РФ являются либо представителями, либо наследниками правящего класса РСФСР. Стоит напомнить, что разложение советской экономики началось в середине 80-х годов. Тогда в ходе либеральных хозяйственно-экономических реформ, известных под брендом «Перестройка», началось разгосударствление экономики. Сначала разрешили частную собственность на средства производства, так появились производственные кооперативы. Затем разрешили частный капитал в сфере услуг, так появились кафе и видеосалоны. И наконец, разрешили ведение внешнеэкономической деятельности, так появились советско-германские, советско-канадские и прочие совместные предприятия. Государство стремительно уходило из экономики, сдавая позицию за позицией. Сегодня сложно сказать, почему это происходило так стремительно. Почему Михаил Горбачев внедрял наиболее радикальные либеральные реформы, хотя даже внутри Политбюро его многократно предупреждали о губительности подобных решений.

Наиболее истинной видится социологическая версия о негласном стоворе правящего класса, который был раздражен невозможностью передать власть, должности и влияние по наследству. Вроде и власть у первого секретаря обкома есть, и влияние есть, и доступ к бюджетным миллионам есть, но максимум, что он может сделать для собственного сына, это помочь поступить в престижный московский или ленинградский вуз. И то если сын не балбес и экзамены не завалит. Получить интересную должность для невестки может директор крупного комбината, но даже на этой должности придется лет десять поработать, прежде чем достигнешь достойной жердочки на социальной и потребительской лестнице. Передать по наследству ведомственную дачу и черную «Волгу» уже невозможно. Естественно, правящий класс был раздражен такой, как ему казалось, несправедливостью. Поколение фронтовиков передавало власть поколению послевоенному, на чью судьбу не выпало никаких испытаний. Власть досталась поколению, которое привыкло рассматривать государство как источник материальных благ, а социальный успех понимает как умение занять комфортную нишу и обеспечить персональное потребление.

Поэтому правящий класс увидел в либеральных реформах широкое окно возможностей. В отличие от народных масс, правящие элиты прекрасно знали все особенности советской торгово-финансовой реальности – и вокруг заводов стали появляться частные торговые дома и посредники, которые начали изымать добавленную стоимость вместо государства. Госкапитализм СССР стремительно терял прибыль. Но так как госкапитализм все равно был плановым, то расходы оставались прежними, дебет все больше и больше расходился с кредитом. На этом фоне начался финансовый сепаратизм национальных республик, которые стали оставлять добавленную стоимость себе, требуя покрытия социальных счетов из центра.

Все начали считать, кто сколько кому должен и кто кого кормит. Советские граждане по всей стране обсуждали, что хватит кормить этих бездельников из России/Украины/Армении/Средней Азии/Москвы/Прибалтики и так далее.

Процесс ухода государства из экономики сопровождался утратой авторитета государства как такового. Если в 70-х годах антисоветский анекдот, рассказанный публично, был серьезным вызовом, то в конце 80-х красные флаги уже сжигали, партбилеты сдавали, а над Лениным глумились. Идеология социализма постепенно вытеснялась либеральной идеологией: государство – неэффективный собственник; свобода частного предпринимательства; все должны уметь торговать; фермеры вместо колхозов; приватизация промышленности; закрытие финансово неэффективных производств.

Современная Российская Федерация с политэкономической точки зрения – это приватизированная РСФСР. По большому счету никаких других экономических процессов, кроме раз-

государствления и приватизации, в экономике России в последние 30 лет не происходит. Государство системно и последовательно лишается права изымать добавленную стоимость. К концу 90-х годов государство уже не могло даже получать сверхприбыль с нефтяной и газовой ренты: «Газпром» при развитом ельцинизме был убыточен, а вся прибыль оседала у частной «Итеры», вместо государственно-частной «Роснефти» был полностью частный «Юкос».

Экономические успехи России после прихода к власти Владимира Путина связаны с частичным восстановлением роли государства в экономике. В нескольких отраслях была проведена сверхконцентрация госкапитала, в связи с чем государство вернуло себе право изымать добавленную стоимость. Создание госкорпораций в газовой, нефтяной и атомной отраслях, ВПК, авиа- и судостроении – вот основа путинской экономической модели. Однако, несмотря на капитализацию, стоимость акций и выход на IPO, госкорпорации современной РФ являются лишь бледными тенями союзных корпораций. И дело не в относительных финансовых показателях: товарная стоимость доллара США в 2015 и 1985 году – это две большие разницы, как говорят в Одессе. Еще в 2000 году за 1 доллар США можно было пообедать в столовой, а сегодня это в лучшем случае компот и булочка.

Дело не в долларах и миллиардах бюджетных средств, это все в общем нолики на банковских счетах. Эффективность экономической модели определяется способностью государства обеспечивать собственные нужды за счет собственного производства и внутреннего рынка. Так, например, зарплаты бюджетников в СССР покрывались двумя доходными статьями – от кинематографа и продажи водки.

Российская политэкономическая модель оказалась в подвешенном состоянии. С одной стороны, взят курс на интеграцию в мировую торгово-финансовую систему, для этого вступали в ВТО, для этого открыли рынок для мировых банков и инвестиционных фондов, для этого госкорпорации торгуются на мировых биржах и допускают иностранцев в акционеры. И в рамках курса на глобальную интеграцию российской экономики оказывается, что капитализация «Газпрома» ниже, чем у компании Google. Притом что «Газпром» тянет на себе львиную долю бюджета 150-миллионной РФ, а Google должен только своим акционерам и работникам, разбросанным по всему миру. В биржевой мировой экономике, где капитал исчисляется виртуальной стоимостью акции, а не показателями производства, политэкономическая модель Российской Федерации обречена.

С другой стороны, у правящих элит РФ есть интуитивное понимание, что государству надо возвращать центральную роль по изъятию добавленной стоимости. Так появляются госкорпорации. Поэтому инвестируется ВПК, для этого создаются Евразийский экономический союз и БРИКС.

Однако с точки зрения эффективности выбранной политэкономической модели современная РФ являет собой недоразвитый капитализм по сравнению с США. Финансовый капитал РФ является ничтожным по сравнению с финансовым капиталом Нью-Йоркской и Лондонской бирж. Торговля осуществляется по правилам ВТО, следовательно, торговая надбавка остается у посредников и трейдеров. Цены на энергоносители формируются на иностранных биржах, и российские нефтегазовые корпорации могут только следить за биржевыми манипуляциями.

Промышленный же капитал России, на который стоило бы опереться государству, находится в подчиненном положении. Индустрия и промышленность и дальше рассматриваются как перспективные отрасли для приватизации, и государство предпочитает устраняться из металлургии, сталепроката, машино- и станкостроения.

Система распределения, наоборот, даже ужесточилась по сравнению с советской. Если раньше предприятия и концерны, обладая собственным капиталом, занимались организацией социальной инфраструктуры в городах и поселках, то теперь это стало исключительно заботой государственного бюджета. А бюджет формируется сверху вниз, в связи с чем сначала удовле-

творяются потребности Москвы, затем федеральных столиц и мегаполисов, и лишь потом очередь доходит до областных центров и провинции.

Неэффективность такой модели хорошо видна на примере интеграции Крыма в РФ. Территория с отличным климатом, плодородной почвой, длинной береговой линией, выходом в мировой океан и разведанными запасами газа превратилась в бездонную дыру для госбюджета. Государство устраняется из экономики, поэтому даже керченский мост будет строить частная компания. Паромное сообщение между Краснодарским краем и Крымом, которое стало естественной монополией в условиях блокады полуострова, также осуществляется частным перевозчиком. Аналогично обстоят дела в остальных сферах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.